

ТЕКСТОВАЯ СТРУКТУРА И ФОРМУЛЯР БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ПРОКЛЯТИЙ

(Язык и этнический менталитет: Сборник научных трудов.
Петрозаводск, 1995. С. 55–60.)

В кругу так называемых малых форм белорусского фольклора, к которым относятся пословицы, загадки, заговоры, проклятия, последние занимают заметное место. Собиратель белорусского народного творчества М. Федоровский засвидетельствовал: «Белорус имеет в своем репертуаре клятв (проклятий), пожалуй, больше, чем пожеланий (добрых. – *Е. Я.*)... Проехав вдоль и поперек большую половину нашей родной земли, могу смело утверждать, что нигде мне не приходилось слышать таких страшных проклятий, как в здешней стороне почти ежедневно. Внешне спокойный народ не упустит возможность, чтобы не произнести целого запаса клятв, особенно в этом преуспевают женщины. В произнесении проклятий есть что-то языческое, не делают это коротко, метко и громко, как то привычно для Мазовши и многих других местностей нашего края, но проклятие за проклятием произносится протяжным и монотонным голосом, что для ушей слушателя постороннего производит очень неприятное и, можно сказать, страшное впечатление»¹.

К сожалению, произведения этого жанра остались вне поля зрения современных исследователей-лингвистов, фольклористов и собирателей (так как даже не вошли в многотомное издание «Белорусское народное творчество»). Между тем они представляют прекрасные образцы художественного владения словом, примеры совершенной организации текста в полном соответствии с прагматикой высказывания. Задачей настоящей работы является выделение и описание характерных черт текстовой структуры, предопределенных их жанровой природой, а также определение степени их клишированности.

Тексты проклятий, как правило, представляют один текстовый блок. Он содержит предикативную конструкцию с глаголом сослагательного наклонения, которая выражает недоброе пожелание и является информационно-смысловым центром высказывания. Кроме нее, текст проклятия может включать еще одну предикативную конструкцию с формой изъявительного наклонения, которая указывает на причину произнесения проклятия. Поэтому в структурном отно-

¹ *Federowski M. Lud bialoruski na Rusi litewskiej. I. IV. Warszawa, 1935. С. XI.*

шении все исследованные тексты подразделяются на две группы: с одной или двумя предикативными единицами. Рассмотрим особенности текстовых структур каждой из этих групп.

Текстовые структуры первого типа формально представляют собой часть сложноподчиненного предложения, которая имеет характер фразеологизированного единства, если принять во внимание устойчивость его компонентов. Схематически эта структура выглядит следующим образом: *каб (няхай, бодай, жэбы, жэб) + ты (табе, цябе, це, вас)* в сочетании с предикативной конструкцией. Почти в каждом случае в эту структуру включаются обороты: *Божа дай, Божа дай міленькі, Матачка найсвентша дай* в качестве вводных.

Прагматическая функция текста целиком обусловлена глагольной формой сослагательного наклонения, которая обозначает действие, желаемое или нежелаемое для того, кому адресовано проклятие (в первом случае это всегда недоброе пожелание – гибели, болезни, страдания и т. д.). Именно эта форма глагола приобретает текстообразующую функцию. Отметим, что синтаксическое строение этой конструкции может быть различно: это могут быть как двусоставные, так и односоставные предложения. В двусоставных предложениях субъектом действия часто выступает сверхъестественная сила. Интересно, что, судя по исследованным материалам, белорус обычно обращается к силе Божьей: *Каб табе Бог не дапамог; Каб цябе Бог са света спратаў; Ніхай табе Бог не дасць добрай смерці; Бадай на цябе Бог Пяруна павярнуў*¹. Только единично отмечено употребление лексемы *чорт* в позиции подлежащего: *Каб цябе чорт узяў; Няхай цябе чорт возьме*. Вместе с тем лексический состав подлежащих в тех конструкциях, которые несут главный смысл текста проклятий, достаточно разнообразен. Это *агонь, балесці, бура, халера, трасца, немач, моркі, нуда, паляруш, пярун, доля*: *Каб цябе, Божа дай міленькі, агонь спаліў; А каб цябе халера скаціла (упратала, задушыла); А нех цябе (яго) паляруш кіне; Каб це трасца затрасла; Каб вас немач узяла* и мн. др.

В структурах второго типа текстовый блок содержит не одну, а две предикативные единицы разных планов сообщения: одна, с глаголом в форме изъявительного наклонения, содержит сообщение о действии, которое послужило стимулом произнесения проклятия, другая, с глаголом в форме сослагательного наклонения, выражает пожелание-проклятие: *Абмануў ты мяне, каб цябе Бог абмануў; Вы-*

¹ Тут и далее цитируется по изданию: *Federowski M. Lud bialoruski ...* С. 405–419.

сушыў ты мяне, каб твае пяты пасохлі. Тексты проклятий такой структуры построены на сопоставлении форм однокоренных или лексически тождественных глаголов, которые обозначают действие реальное и ирреальное: *Выракаецца ён мяне, каб яго Бог выракся; Круціць гыцаль, каб яму ў галаве закруцілася.* При этом может наблюдаться позиционная мена конструкций реального и ирреального действия, ср., например: *Жэб счарнеў, на што ён мяне чэрніць.* Но преобладает все же тип конструкции, где в начальной позиции стоит глагольная форма изъявительного наклонения.

При всем разнообразии тех лексических единиц, которые обозначают действие-пожелание, их выбор нельзя назвать в полной мере свободным. Как правило, он подсказан ситуацией или событием, которые вызвали произнесение проклятия. Но эта зависимость проявляется по-разному в текстах разных структур. В текстовых структурах первого типа, которые не содержат сообщения о причине проклятия, номинация действия-пожелания может происходить или в соответствии с названием неназванного действия-стимула: *Каб цябе пabіў Бог ад галавы да ног* (произносится после побоев), или на основе ассоциаций с предметом или действием-стимулом, вербально не оформленных. Так, по причине кражи вожжей говорится: *Каб з яго кішкі, як вярoўкі, цягнуліся,* что, бесспорно, связано с существованием ассоциативной связи между понятиями «вожжи – тянуться». Проявлением таких ассоциативных связей может быть реализация семантических отношений «предмет – его назначение», например, в следующем тексте: *Няхай яму з таго палатна пакрывала (саван) зробяць* (по причине кражи полотна, когда в тексте проклятия называется только объект действия-стимула). Лексическое оформление конструкции с глаголом сослагательного наклонения может определяться и синонимическими отношениями в лексике, в зависимости от названия предполагаемого действия-стимула. Например, если кто-нибудь дразнится, произносят: *Каб ты, Бог даў, прыждаў на старасці сабакі зводзіць,* что обусловлено синонимией глаголов *дражніць* (рус. *дразнить*) и *зводзіць*.

Но наиболее широко проявляется влияние номинации на структурную организацию текста в составе текстовых структур второго типа – с двумя предикативными конструкциями. Как правило, в их составе в качестве названия действия-стимула и действия-пожелания употребляются однокорневые глаголы (или даже формы одного и того же глагола): *Ні спамог ён мне, каб яго Бог не спамог; Абрахаў ён мяне, каб ён, Бог даў, на поля і лесу бегаючы брахаў; Выгараў*

(рус. *запахал*. – Е. Я.) *ты маю межу, каб ты, Божа даў, носам зага-раў*. Их сопоставление в предикативных конструкциях со значениями реального и ирреального действия является средством структурной организации текста и обеспечивает его целостность в плане содержания и формы.

Очень последовательно реализуется текстообразующая функция номинации в тех случаях, когда конструкции со значением стимула и со значением пожелания связаны семантическими отношениями «предмет – его назначение», например: *Украў нехта нажа, каб ён, Божа дай міленькі, дзеці свае парэзаў; Украў ён сякеру, каб ён сабе голаў адрубаў; Ах, украў нехта вілы, каб ён на ніх прабіўся; Украў вяроўку, каб ён на ёй навесіўся* и мн. др.

Исследованный материал свидетельствует о таком особом средстве текстообразования, как номинация субъекта действия по названию самого действия: *Каб цябе калаціць калола; Каб цябе пакот пакаціў; Каб цябе разачка парэзала; Каб цябе, Божа дай міленькі, спрага спрагла; Каб це трасца затрасла; Каб цябе выката выкаціла; Каб цябе здыхата ўдушыла*. Это выражает высокую степень истощенности желаемого действия и не только придает тексту характер смысловой завершенности, но и обеспечивает его эмоциональную напряженность. При этом нельзя не обратить внимания на то, что текстовая номинация реализует потенциальные словообразовательные возможности и содействует образованию отглагольных субстантивов, в свободных синтаксических сочетаниях не отмеченных.

Номинация как средство организации текста засвидетельствовала порождение высказывания-проклятия в процессе речи. Текст его в таких случаях обнаруживает, с одной стороны, бесспорную ситуационную зависимость, с другой стороны, создается в соответствии с определенными языковыми и структурными закономерностями, которые приобретают значение «законов жанра». Но при реализации этих законов происходит варьирование как лексических единиц (путем употребления синонимических глаголов, например: *Абгаварываеш ты мяне, каб цябе вароны абгракалі*), так и варьирование структурных единиц в составе текстового блока. Так, по поводу кражи в огороде было сказано: *Жэб табе валасы на галаве абарвали, як ты мне грушкі абарваў* и *Вывраў нам гуркі, каб, дай Бог, яму цырулік зубы павывываў*, когда тождественные в смысловом отношении тексты отличаются позиционным расположением отдельных компонентов. Эта же структурная и смысловая схема текста является канвой, по которой создается высказывание-проклятие еще больше-

го эмоционального напряжения: *Вырваў ты мне гуркі, каб, дай Бог, з цябе вантробы вырвала.*

Заметным фактором текстообразования выступает реализация количественных отношений как выражение меры зла и необходимости наказания за него. В отношении языковых особенностей текстов это, как правило, связано с противопоставлением наречий *колькі – столькі* в рамках сложноподчиненного предложения, которое представляет собой единый блок текста проклятия: *Колькі там грошыкаў, каб даў Бог міленькі, столькі гадзін канаў; Каб табе столькі ран на тваё цела, колькі я сваёй працы ў цябе пакінула; Колькі я разліла слёз, каб з яго на смерці столькі ропы вылілася.* Правда, в единичных случаях значение количественного соответствия может и не иметь вербального выражения, как, например, в следующем случае: *Каб ён выхварэў, выбалеў, што ён у мяне спіў ды з'еў, яшчэ мне ліха думае.*

Таким образом, прагматическая функция текста проклятий обусловлена определенными закономерностями их структурной организации, основанной на номинативном или количественном соотношении их компонентов. Наличие своего рода формул текста проклятий, значительная степень предсказуемости синтаксического строения высказывания и его лексического наполнения позволяют говорить о клишированности текстовой структуры.

Тем не менее эти свойства текста белорусских народных проклятий не исключают таких его характеристик, как поэтическая образность, эмоциональная окрашенность, риторичность, что подчеркивает их принадлежность к произведениям народно-поэтического творчества. Прежде всего, это наличие рифмы: *Каб на яго род надышоў звод; Каб табе ручкі пагнула ў кручкі, а ножкі ў качарожкі.* Обращает на себя внимание и то, что при полной предсказанности злого пожелания эти выражения приобретают иной раз поэтическую образность в связи с включением сравнений, точных и метких: *Каб ты прапаў (прапалі), як цень на вадзе; Каб ён высах, як гароховая лапатка.* Заметим, что сравнения опираются не только на общеизвестные устойчивые выражения (*высах на гароховую лапатку*), но и на индивидуальный житейский опыт: *Каб вы марна прапалі, як марцінавы боты,* что подтверждает не только воспроизведение застывших текстовых структур, но и создание высказывания как порождение текста по соответствующей схеме. В последнем убеждает и то, что исследованный материал включает наряду с традиционными ми и в полной мере формульными высказываниями и такие выска-

звания-проклятия, которые удивляют картинной образностью пожелания: *Каб яго, Божа дай міленькі, голага ганялі; Каб цябе, Божа дай міленькі, нямытага, як сабаку, у зямлю увалілі.* Конкретизация пожелания и достигнутый эмоциональный эффект подчеркивается при сопоставлении таких, например, одинаковых по смыслу и структуре высказываний, как: *Каб цябе свіло і скруціла – ср.: Каб твае рукі і ногі зграбіла ў адно месца; Каб ты спух – ср. Каб ты спух, як гара, як падушка.* В создании образности текста принимают участие и такие широко известные риторические приемы, свойственные произведениям фольклора, как структурная симметрия и лексическая тавтология: *Каб ты, даў Бог міленькі, хварэў сем год на адзін бок, сем рок на другі бок.*

Приведенные наблюдения наглядно свидетельствуют о языковом богатстве и стилистической выразительности, которые характеризуют такой жанр народного творчества, как проклятия. Что касается их значительного распространения в быту (не только в прошлом, но и в современной жизни, насколько можно судить по беглым наблюдениям автора), это может быть объяснено склонностью белорусского народного характера снимать стресс, избегая физических эксцессов и предоставляя свободу речевой деятельности и языковой фантазии. Если это справедливо, то, возможно, этим, в частности, и объясняется хорошо известный всем соседям спокойный характер белорусов.